

чимъ стихи «Къ Н.» (Съ Гомеромъ долго ты бесѣдоваль одинъ), не оговариваясь, что современные изслѣдователи считаютъ (и на основаніи весьма убѣдительныхъ доводовъ), что эти стихи обращены не къ Николаю I, а къ — Гнѣдичу. Въ подкрѣпленіе мнѣнія о томъ, что Пушкину были «всегда свойственны порывы религіознаго вдохновенія» и что «не можетъ онъ почитаться ни въ одинъ періодъ своей жизни отпавшимъ отъ Церкви», приведено «признаніе», сдѣланное имъ А. О. Смирновой и находящееся въ ея Запискахъ, опять-таки безъ оговорки о томъ, что записки эти въ сущности — апокрифъ. Записки Смирновой, кстати сказать, цитируются въ нѣсколькихъ мѣстахъ — и всегда какъ первоисточникъ.

II. Библия.

А. Л. Бемъ. Достоевскій. Психоаналитическіе этюды. Прага «Петропольскъ». 1938.

Извѣстный изслѣдователь творчества Достоевскаго А. Л. Бемъ издалъ сборникъ своихъ уже ранѣе напечатанныхъ статей («Сногтворчество», «Развертываніе сна», «Драматизація бреда», «Проблема вины»), присоединивъ къ нимъ новый этюдъ о «Разсудкѣ и хотѣніи» и предпославъ имъ въ видѣ предисловія статью «Психоанализъ въ литературѣ». Получилась книга, единая по замыслу и методологической установкѣ.

Въ своей работѣ надъ Достоевскимъ А. Бемъ исходитъ изъ пониманія художественнаго произведенія, какъ нѣкоего единства, въ себѣ закончено и объективно даннаго. Матеріалъ его почерпнутъ писателемъ изъ собственнаго психическаго міра и художественно деформированъ. Поэтому, изслѣдуя творчество писателя, необходимо реконструировать его личность и воссоздать его «литературную біографію». А. Бемъ справедливо полагаетъ, что въ этой области психоанализъ можетъ оказать историкъ литературы большую услугу. Слѣдуетъ только строго установить границы примѣненія этого метода; въ противномъ случаѣ литературное изслѣдованіе съ легкостью можетъ превратиться въ психопатологію, въ сумбуръ «ушемленностей», «сублимаций» и «комплексовъ». Работа самого Фрейда, посвященная «Братьямъ Карамазовымъ», учитъ насъ, какъ не слѣдуетъ поступать.

А. Бемъ находитъ удачную методологическую формулу: «Психоаналитическое изслѣдованіе художественнаго произведенія возможно только до той границы, до которой доводятъ закрѣпленные въ словѣ слѣды когда-то реальныхъ у автора душевныхъ переживаній». Иллюстраціей этого новаго и плодотворнаго метода является этюдъ о «Хозяинѣ» Достоевскаго («Драматизація бреда»). Повесть развивается въ двухъ планахъ — фантастическомъ и реальномъ. Брешь между ними едва замѣтна; основной приѣмъ построения: «реализація явленій внутренняго міра во внѣ, какъ реально происходящихъ событій». Мечтатель-фантастъ Ордынцовъ живетъ въ мірѣ своихъ видѣній, сновъ, полубредовыхъ фантазій. Достоевскій показываетъ творческую силу больного воображенія: бредъ воплощается въ образъ галлюцинацій,

отсюда сказочно-нереальный характер «красной дѣвицы-голубицы» Катерины и «злого старика», чернокнижника Мурина. Повесть «Хозяйка», непонятая современниками, становится понятной и художественно оправданной, если смотреть на нее, какъ на душевную трагедию Ордынова. А. Бемъ объясняетъ происхождение замысла повѣсти, — связь ея съ душевнымъ состояніемъ автора въ 1846-1847 году и сообщаетъ много новыхъ данныхъ о томъ загадочномъ періодѣ жизни Достоевскаго, когда онъ былъ на грани психическаго заболѣванія.

А. Бемъ, конечно, правъ, называя Достоевскаго «сновидцемъ» и подчеркивая «глубинный, фантастическій тонъ» его творчества. Но съ меньшей силой слѣдуетъ подчеркнуть его «духовный реализмъ», подлинную онтологию его произведеній, стоящую надъ всякой психологіей. И здѣсь въ области метафизики, гдѣ Богъ съ дьяволомъ борется, гдѣ рѣшаются вопросы о существованіи Бога, о смыслѣ жизни и оправданіи добра, психоанализъ теряетъ всѣ свои права. Если «Вѣчный мужъ» и «Хозяйка» суть только «развертываніе сна» и «драматизация бреда», они остаются на уровнѣ интересныхъ психологическихъ этюдовъ; лишь при столкновеніи реальныхъ личностей: Вельчанинова и Трусоцкаго, Ордынова и Катерины они возвышаются до трагедіи.

Эти возраженія не уменьшаютъ большой цѣнности работы автора, какъ подготовительной стадіи къ изученію Достоевскаго, великаго «спневролога». Такая работа совершенно необходима. Но за ней должна послѣдовать «новая книга» о Достоевскомъ, о которой мечтаетъ авторъ. Замыселъ ея очень интересенъ. Въ основу такой книги, пишетъ А. Бемъ, должна лечь проблема преодоленія замкнутости личности черезъ приобщеніе къ живому потоку жизни. Пожелаемъ ему скоро ее написать.

К. Мочульскій,

Н. Дорнъ. Кирѣевскій. Парижъ. 1938.

Отдѣльной книги объ И. В. Кирѣевскомъ у насъ никто еще не удостоился написать и потому одно уже заглавіе работы г. Дорна привлекаетъ къ ней вниманіе и сочувствіе. Читаніе ея однако больше всего оттолкнетъ именно тѣхъ, кого всего сильнѣй привлекало ея заглавіе. Не то, чтобы авторъ былъ человѣкъ бездарный; онъ умѣетъ отчетливо мыслить и въ соотвѣтствіи съ такимъ мышленіемъ писать; книга его настолько толкова, что только диву даешься, какъ эта самая толковость не помѣшала ему вообще взяться за нее. Развѣ не ясно заранее, что не стоитъ писать книгу о человѣкѣ, къ которому не чувствуешь ничего кромѣ вражды, да еще называть ее «опытъ характеристики ученія и личности». Такіе опыты мало кому удаются; опыты г. Дорна совсѣмъ не удался.

Нѣтъ сомнѣнія, что у Кирѣевскаго было много недостатковъ: слабологіе, дѣнь, извѣстная робость и расплывчатость мысли, а въ молодости, какъ видно изъ его берлинскихъ писемъ роднымъ, наив-